
О. В. ИОДКО

**МАРИ-ФЕЛИСИТЕ БРОССЕ.
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА КАВКАЗ
(1847—1848)**

Летом 1837 г. в Петербург, по приглашению Императорской Академии наук, на открывшуюся вакансию адъюнкта прибыл известный в Европе востоковед Мари-Фелисите Броссе.

Он родился 5 февраля 1802 г. в Париже, учился в нескольких духовных семинариях и в Парижском университете, опубликовал несколько статей по синологии, но потом изменил специализацию, по самоучителям овладел грузинским языком, несколько лет безуспешно добивался разрешения на путешествие по Грузии и одновременно искал корреспондентов среди грузин. Ему рекомендовали образованнейшего человека в Петербурге, царевича Теймураза Багратиони, сына последнего грузинского царя, Георгия XII. Завязалась переписка, перешедшая в дружбу.

И вот 35-летний ученый с женой, двумя дочерьми и сыном приезжает в Петербург. 7 августа его прописали в «Академическом доме по 7-й линии»¹ Васильевского острова (ныне наб. Лейтенанта Шмидта, д. 1). Сразу же он погружается в круговорот научной жизни: участвует в заседаниях Академии, разыскивает и приобретает грузинские и армянские рукописи и книги, переписывается с грузинскими коллегами, поддерживает их материально и морально в стремлении познать свой край, просит копировать старинные надписи на храмах, переводит грузинские источники на французский язык и публикует их. В 1839—1841 гг. он преподает грузинский язык сначала в Академии, а потом в Университете (где официальный курс был введен только в 1844 г.) и готовится к выполнению основной задачи — путешествию по Грузии и Армении: «Моей целью, моей единственной целью, было разыскать древности, собрать их повсюду, где я их найду и во всех формах, в которых они обнаружат себя как доказательства летописей Грузии и смогут послужить

¹ ПФА РАН, ф. 4, оп. 21, д. 5, л. 36.

для проверки или иллюстрации утверждений историков, которых кичливая Европа едва знает и считает легендарными. Наличие и число этих памятников зафиксировано в „Географии” Вахушти и на самых современных картах, я же собирался только посетить их, снять планы для художников, скопировать надписи для ученых, чтобы, понимая суть, иметь после этого возможность приступить к публикации „Истории Грузии”». ²

Уже 29 декабря 1837 г. в повестке дня торжественного заседания АН значилось его большое сообщение об истории и литературе Грузии, которое из-за недостатка времени он не смог прочитать, но на будущий год опубликовал. Обосновывая необходимость экспедиции, он пишет: «Грузинские летописи содержат в себе мало подробностей о внутреннем состоянии народа до вторжения македонян: только войны с хазарами и персами наполняют все это время, — промежуток нескольких столетий. Однако можно почерпнуть некоторые сведения о нем из греческих и латинских авторов, которые описывают полубаснословный поход аргонавтов, и из историков, повествующих о войнах Рима с Митридатом <...> но в продолжение нескольких столетий история так бедна событиями, столько недоразумений в государственных летописях, что кажется столь же трудным допустить их в том виде, в каком они существуют, не подвергая их критике, сколько и отвергать их безусловно. Нет никакого сомнения, что Грузия имела уже тогда хорошее общественное устройство и что при посредстве эриставов и моуравов царская власть уважалась всеми подданными. Эти каменные здания, это цветущее земледелие, это разделение народонаселения на классы, которые сохранились до наших времен; введение в употребление письмен за два столетия до Рождества Христова, наконец, такой же феодализм, какой был позже во всей Европе, — все это свидетельствует о достаточных уже успехах образованности, которая требовала только благоприятных обстоятельств, чтобы более развиться». ³ Далее он перечисляет основные источники грузинской истории — гуджары или хартии, летописи, исторические сочинения, жизнеописания грузинских святых и мучеников, а также источники соседней Армении; отдает должное собирательской деятельности ученых Англии, Франции, Германии и русских археографов и, наконец, восклицает: «Без всякого сомнения, и в Грузии находятся собрания этого рода. Монастыри, избегнувшие руки опустошителей, хранят их в стенах своих... История не выдумывается, ее нельзя написать без хартий и без первоначальных доказательств... Но если бы даже этих источников было для нас недостаточно — история Грузии написана еще на камнях своих памятников». ⁴

В 1838 г. он отправляется в прибежище нескольких волн грузинской эмиграции, в Москву, для изучения рукописей и памятников материаль-

² Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848 par M. Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences. I-re livraison. SPb., 1849. P. VIII—IX.

³ Броссе М.-Ф. Взгляд на историю и литературу Грузии. СПб., 1838. С. 5—6.

⁴ Там же. С. 10, 11, 15.

ной культуры. 17 июля он пишет академику Х. Д. Френу: «Уже неделя, как я в Москве, и до сего времени нет недостатка в работе. Я последовательно обошел большую часть памятников, где можно было найти какое-нибудь упоминание о грузинской нации: греческий монастырь, Донской, кладбища армянское и Всесвятское, часовню Иверской Богоматери, Пятницкую церковь, и всюду множество грузинских надписей, которые принадлежат грузинским князьям. Но написаны по-русски». ⁵ Изучил он и грузинские надписи на петербургских кладбищах Александрово-Невской лавры и Смоленском.

Собранный материал ученый использовал для написания опубликованной в 1840 г. в «Записках Императорской Академии наук» статьи «Грузинские надгробные надписи Москвы и Санкт-Петербурга, переведенные господином Броссе», в которой отразил 138 эпитафий: 88 в Москве за 1730—1835 гг. и 50 за 1807—1838 гг. в Петербурге. Подчеркивая значение эпитафий как исторического источника, Броссе приводит надпись, обнаруженную в церкви Св. Николая в Москве на могиле Кетеван, жены царя Грузии Кай-Хосро: «Я, грешница Кетеван, супруга царя Грузии и верховного главнокомандующего всей Персии, Кай-Хосро, и мать княжны Бегум, приехала в Россию, в стольный град Москву, в 1722 г.; я приняла крещение и истинную веру Христа, но так как мы обречены вовсе не жить в этом мире, я должна была заплатить свою дань, и я умерла здесь; я была погребена в этом городе, в церкви монастыря святого Николая. Вы, посетившие меня, помолитесь за меня. 3 мая 1730» — и замечает: «До сих пор не знали имен его (Кай-Хосро. — *О. И.*) жены и дочери и того обстоятельства, что его жена мусульманкой приехала в Москву, где совершила отречение». ⁶

В 1846 г. к числу необходимых для исследования памятников Броссе присоединяет еще и российские источники: «Само собою очевидно, что древняя история Грузии, когда держава была единственно азиатская, может проясняться только летописями азиатских народов <...> Но за три века до нашей эпохи вышепоименованные источники вдруг увеличиваются множеством исторических памятников России, в продолжение 300 лет постоянной союзнницы Грузии». ⁷

Разрешение на путешествие по Грузии и Армении пришло только в 1847 г., когда ученому было уже 45 лет. В 1849 г. он с грустью напишет: «Если бы мое желание осуществилось в 1830 г., когда я был на 20 лет моложе, свободен от всяких уз и семейных обязанностей, я бы меньше скупился, не на деньги, а на те дни, которые [теперь] я должен считать; и я с удовольствием посвятил бы 4 следующих года своему основному намерению исследования богатых древностей Грузии. Пусть другие будут удачливее». ⁸

⁵ ПФА РАН, ф. 778, оп. 2, д. 44, л. 14.

⁶ Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg. VI série. Sciences politiques, histoire et philologie. 1840. Т. 4. Р. 464.

⁷ Броссе М.-Ф. Критический обзор грузинских летописей новейших времен по русским документам. СПб., 1846. С. 2—3.

⁸ Rapports sur un voyage... P. VII.

Экспедиция началась 13 августа 1847 г. и длилась 11 месяцев. Только до Тифлиса добирались на тарантасе 18 дней (путь лежал через Москву, Тулу, Воронеж, Новочеркасск, Ставрополь, Георгиевск, Владикавказ). Броссе оказался не только заинтересованным исследователем, но и организатором своего путешествия. 5 октября 1847 г. он поместил в «Кавказском календаре» статью «О необходимости и способах изучать памятники старины Грузии», которая начиналась словами: «Летописи и памятники старины имеют то же значение для отдельных народов, как документы на дворянство для частных людей <...> Чтобы составить себе ясное понятие о стране, называемой армянами *Вир*, т. е. верхняя, греками — *Иверия*, римлянами — *Иберия*, персиянами — *Гурджистан*, арабами — *Джорджан*, турками — *Гурдж* и, наконец, русскими — *Грузия*, мы должны обратиться к изучению туземных летописей <...> Кроме икон, находящихся везде и покрытых более или менее древними надписями, Грузия богата многоразличными памятниками старины, заслуживающими изучения со стороны археологической и художественной. Они рассеяны повсюду, на неприступных скалах, в дремучих лесах и в глубоких оврагах; самая многочисленность их, соединенная с затруднением, представляемым местностью для осмотра их, делает невозможным для одного человека обозрение всех сих памятников. Но что недоступно силам одного, делается легким для общества. Без сомнения, здесь найдется немало людей, дорожащих документами славы своей отчизны или той страны, к которой судьба привязала их службою».⁹ Воззвав к лучшим чувствам читателей, Броссе разъясняет всем категориям граждан, где и какие памятники можно найти, как копировать надписи и куда отсылать полученные сведения.

За сравнительно короткий срок Броссе успел обследовать довольно большую территорию Грузии и Армении: от Телави на востоке до Бичвинты (Пишунды) на западе и от Кутаиси на севере до Эчмиадзина на юге. Попастъ в Грузию и Армению можно было только через Северный Кавказ, а там с 1817 г. шла война. Уже был убит А. А. Бестужев-Марлинский, уже прославился в битве при р. Валерик М. Ю. Лермонтов. На посту главнокомандующих менялись генералы: А. П. Ермолов (1816—1827), И. Ф. Паскевич (1827—1831), Г. В. Розен (1831—1838), Е. А. Головин (1838—1842), А. И. Нейгардт (1842—1844) и, наконец, в период путешествия Броссе — М. С. Воронцов (1844—1854), храбрый воин, образованный, дипломатичный, сострадательный к солдату и уважительный к местному населению человек. Возможно, поэтому ученая экспедиция проходила мирными тропами (правда, под прикрытием). Броссе писал: «Простой путешественник, совершенно безоружный, с таким же мирным попутчиком, как я, и едва вооруженным есаулом или полицейским чиновником, я пересек Грузию во всех направлениях без неприятных встреч. Я избежал их и в пограничных округах, но там меня лучше конвоировали благодаря разрешениям, которые берут реже и ре-

⁹ Броссе М.-Ф. О необходимости и способах изучать памятники старины Грузии // Кавказский календарь на 1848 г. Тифлис, 1847. С. 129, 132, 139, 140.

же; однако дерзких обманщиков всего законного западное воображение, обращенное к Гомеру через призму прекрасного, любит превращать в героев, в жертвы. У сванов защитой мне служило черное платье кроткого священника».¹⁰

Свои наблюдения он излагал в донесениях президенту Академии наук, графу С. С. Уварову, наместнику кавказскому, графу М. С. Воронцову, в Библиотеку Академии наук и музеи. В 1849—1851 гг. они были изданы по-французски под пространным заглавием: «Донесения об археологическом путешествии в Грузию и Армению, предпринятом в 1847—1848 гг. господином Броссе, членом Императорской Академии наук». В 12 рапортах на 781 странице ученый поместил большое количество обнаруженных им надписей на грузинском, армянском, еврейском и персидском языках с переводом их на французский.

Достоинством рапортов были и непосредственные впечатления путешественника-европейца в экзотической стране. Броссе описывал, как 7 сентября 1847 г. он предпринял «тренировочную» поездку верхом в окрестности Тбилиси; и как в Мцхете ясная погода сменилась бурей, унесшей его шляпу на две версты; и как 14 октября ему на длинную дистанцию продали умирающую лошадь, которая смогла пройти только полпути, и Броссе пришлось доказывать, что он невиновен в ее гибели; и как часто он страдал от холода, например, 31 декабря того же 1847 г.: «Пора холодов и понижение температуры до 18 градусов по Реомюру поразила меня 31 декабря. Я был в отчаянии; я работал в шубе, в шапке на меху, в перчатках, в шерстяных туфлях фабричной работы, на хорошем войлоке, одним словом, в смешном наряде, необходимом для передвижения по улицам. Вот каков по временам климат Тифлиса, который находится на той же широте, как Рим, Константинополь, Барселона и Опорто! Предоставляю другим, более ученым, толковать этот феномен».¹¹

По окончании путешествия, в октябре 1849 г., он выступает в трех номерах газеты «Кавказ» с кратким отчетом о своей экспедиции, сообщая о содержании посланных рапортов:

«1. Небольшие поездки в окрестностях Тифлиса: на Белый Ключ, в Каджоры, Мцхет, Шиомгвие и полное обозрение Телавского уезда.

2. Вторая поездка в Мцхет, Шиомгвие по южной стороне Куры, между Дзегвой, Лаврой и Сасхорами; полное обозрение Ахалцыхского уезда: на юг и север, исключая озерной стороны.

3. Изучение библиотеки и древностей Эчмиадзина и Ани.

4. Изучение грузинских грамот.

5. Священные памятники Тифлиса, грузинские и армянские церкви и мечети.

6. Поездка в Горийский уезд и в горы от Атени до Крцхилвана, Ларгвиса и Цилкана.

7. Путешествие в Мингрелию (собственно называемую Одиш).

¹⁰ Rapports sur un voyage... P. VIII.

¹¹ Ibid. P. 2.

8. Путешествие в Самурзахан и Абхазию до Бидшвинты.

9 и 10. Древности Лечгума и Мингрельской Сванетии.

11. Кутаис и его окрестности; Гелаты и Мацамета.

12. Рачинский уезд и обратный путь через участки Сачхерский и Сверский.

Я не был ни в Сигнахском и Александропольском уездах, ни на границах участков Ахалкалакского, ни Тифлисского и Борчалинского, ни в частях Тифлисской губернии по правой стороне Арагвы, вдоль по Военно-Грузинской дороге, ни в той части Кутаисской губернии, что лежит справа от Квирилы и за Рионом, ни, наконец, в Гурии». ¹² В преамбуле он написал: «Я путешествовал с целью чисто археологической и филологической: мне было поручено отыскать в разных местах Грузии всякие древние памятники, могущие служить пояснениями и доказательствами в истории грузинского народа, которую я намерен напечатать в подлиннике и с переводом». ¹³

Надо сказать, что Броссе в России никогда не встречал препятствий для задуманных публикаций. Его «История Грузии» вышла в Петербурге по-французски в двух частях (вторая часть в двух выпусках) ¹⁴ и по-грузински (второй выпуск публиковал профессор Петербургского университета Д. И. Чубинашвили). ¹⁵

В 1923 г. выходит в свет подготовленное академиком Н. Я. Марром частичное переиздание первой части «Истории Грузии», опубликованной в свое время Броссе по-грузински. Как сказано в предисловии, к 1896 г. тираж этой части труда был полностью раскуплен, и Академия поручила Марру подготовить «допечатку комплекта». О начале работы Марр, тогда еще молодой ученый, писал: «Это была заря моей научной деятельности и, естественно, мое задание не превышало границ полезного, но скромного предприятия – воспроизвести текст ученого издателя как есть, ничего не меняя». ¹⁶ Однако, приступая к работе, Марр понял, что при подготовке нового издания ему не избежать проверки французского перевода, комментирования и сличения текста с вновь об-

¹² *Броссе М.-Ф.* Результаты путешествия г[осподина] академика Броссе по Грузии (Извлечено из письма к г[осподину] директору Канцелярии наместника Кавказского, д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Сафонову // Кавказ. 1849. 1 окт. № 40. С. 159.

¹³ Там же.

¹⁴ *Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle, traduite du géorgien par M[onsieur] Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences. 1-re partie. Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de J.-C. SPb., 1849; II-e partie. Histoire moderne. 1-re livraison. SPb., 1856; II-e partie. Histoire moderne. II-e livraison. SPb., 1857; Dernière livraison. Introduction et Table des matières. SPb., 1858.*

¹⁵ *Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle, publiée en géorgien par M[onsieur] Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences. 1-re partie. Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de J.-C. SPb., 1849; II-e partie, publiée en géorgien par M[onsieur] Tchoubinof. Histoire moderne, depuis 1469 jusqu'en 1800 de J.-C. SPb., 1854.*

¹⁶ *Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle, publiée en géorgien par M[onsieur] Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences. 1-re partie. Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de J.-C. I-re livraison (en partie). Réédition faite par Nicolas Marr, membre de l'Académie des sciences de Russie. Pb., 1923. Текст «Avant-propos» не имеет нумерации страниц.*

наруженными источниками. Он пишет: «Итак, подготовительный просмотр труда покойного академика укрепил меня в первоначальном мнении, что новое, самое простое, издание не могло обойтись без вмешательства в грузинский текст и без исправления самых ущербных прочтений... Господин Броссе заботился только об истории. От него ускользала важность тех вариантов прочтения, которые не влияют на перевод. Рассматривая текст пристально, только как проводник исторических сведений, он не уделял достаточного внимания фактам, которые выходили за пределы его концепции истории Грузии. Кроме того, он проявил себя безразличным к лингвистическим частностям».¹⁷

Справедливости ради надо отметить непоследовательность Марра в оценке научных заслуг Броссе. В 1902 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения ученого, Марр прочитал в восточном отделе Русского археологического общества пространный доклад, в котором сказал много теплых слов: «Научная добросовестность Броссе безукоризненна <...> Он не высказывал ни одного взгляда, не делал ни одного утверждения без возможной в его время научной проверки, он не печатал ни одной строки, которая сознательно вытекала бы из какого-либо источника, кроме источника чистых научных интересов».¹⁸ Через некоторое время появилась юбилейная статья Марра, в которой акценты были расставлены иначе: «Подготовка Броссе как сына своего века не была столь глубока, чтобы он имел право на установление самостоятельной теории в области, куда он из европейцев вступал первый в специальном звании ученого исследователя... критика его касалась лишь деталей и частности: он проверял и подчищал подробности, чтобы сделать более устойчивым целое».¹⁹ Текст панегирической части доклада Марра (с лакунами) хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, а недостающие листы — в фонде Русского археологического общества, в Архиве Института истории материальной культуры РАН. Они-то и легли в основу статьи Марра, на десятилетия снизившей уровень восприимчивой личности Броссе.

Тем не менее, какую бы оценку ни получил труд Броссе, заслуга его состоит в том, что он перевел средневековую историю Грузии с экзотического языка и предоставил международной науке. Благодарные грузины написали о нем несколько книг, назвали его именем улицу в Тбилиси и там же установили его бюст, в год 180-летия со дня рождения установили в Шательро, на могилах Броссе, его жены и дочери, металлические украшения с мотивами лозы и голубки и надпись: «Мари-Фелисите Броссе, выдающемуся ориенталисту, благодарный грузинский народ. Тбилиси. 1982».

¹⁷ Ibid.

¹⁸ ПФА РАН, ф. 800, оп. 1, д. 2127, л. 31.

¹⁹ *Марр Н. Я.* К 100-летию дня рождения М. И. Броссе // Зап. восточного отдела Императорского Русского археологического общества. СПб., 1902. Т. 14, вып. 4. С. 75.